

ДЕВЯТЬ
КАМЕР ЕЕ
СЕРДЦА

JANICE PARIAT

The
NINE
CHAMBERED
HEART

ДЖАНИС ПАРЪЯТ

ДЕВЯТЬ
КАМЕР ЕЕ
СЕРДЦА

INSPIRIA

Москва
2020

УДК 821.111-31(540)
ББК 84(5Инд)-44
П18

Janice Pariat
THE NINE-CHAMBERED HEART

Copyright © by Janice Pariat, 2017
By agreement with Pontas Literary & Film Agency

Перевод с английского *Анны Бялко*

Фото автора: Sambit Dattachaudhuri
Дизайн обложки и иллюстрация: Rashmi Gupta

Парьят, Джанис.

П18 Девять камер ее сердца / Джанис Парьят ; [перевод с английского А. Бялко]. — Москва : Эксмо, 2020. — 224 с.

ISBN 978-5-04-110800-7

Девять непохожих людей вспоминают свои отношения с женщиной — той, которую они любили или которая любила их.

Эти воспоминания, подобно частям пазла, собраны в единое зеркальное полотно, в котором мы видим цельную личность и связанную с ней историю. Эта история простирается с Востока на Запад через города и годы.

Таким образом Джанис Парьят представляет читателям изящную притчу о том, что мы отражаемся в сознании других людей, как в зеркалах. И каждое из этих зеркал — часть нас.

УДК 821.111-31(540)
ББК 84(5Инд)-44

ISBN 978-5-04-110800-7

© Бялко А., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Тому, кто не спит в ночи.

Любить легко.

— *Анаис Нин*

Свѣтлой

Тебе двенадцать, и ты меня ненавидишь.

Ты отказываешься рисовать на моих уроках, потому что считаешь свои рисунки ужасными. А я все пытаюсь объяснить тебе, как любой порядочный учитель, и не важно, верю я в это или нет, что с опытом они станут лучше. Ты не соглашаешься. Тебя бесит, что существует нечто, что ты не можешь делать так же хорошо, как примеры по математике или научные опыты. Я говорю тебе, что это искусство, но вижу, что ты художник науки. Если такое вообще существует.

Другие дети толпятся вокруг столов, самозабвенно рисуя и делая наброски. Некоторые из них по-настоящему одарены. Но о тебе этого не скажешь. Их руки свободно мелькают над холстом и бумагой, словно ведомые неким невидимым духом. Хотя у меня есть грустное ощущение, что это единственный момент их жизни, когда они «занимались искусством». Они вырастут и посвятят жизнь занятиям, которым будет чужда красота.

Почти год назад, в свой первый день работы в этой маленькой школе маленького городка на востоке страны, я велел всему классу нарисовать дерево.

— Какое дерево? — спросила ты.

— Любое.

— Но разных деревьев очень много...

— Меня устроит любое.

Это тебе не понравилось. И, пока ты сидела в нерешительности, все остальные окунали кисти в краску и шлепали по бумаге. Было заметно — когда ты наконец рискнула, тебе было неловко и даже немного стыдно. Твое дерево напоминало зеленый леденец на палочке. И тут я совершил ошибку, подойдя к твоему столу и похвалив девочку справа от тебя.

— Посмотри... Видишь, у нее сквозь ветви виднеется кусочек неба? Это же так и есть, правда? Дерево не сплошное. Между листьями есть просветы...

Ты смотрела на меня с выражением, похожим на ненависть.

В первые же месяцы такое выражение твоего лица стало привычным. Что бы я ни говорил тебе или другим ученикам, ты все воспринимала в штыки. Ты не совершала никаких нарушений, ничего такого, за что можно было бы выгнать тебя с урока и отправить к директору, что, возможно, было бы даже проще. Нет, это был внутренний, скрытый, тайный протест. Ты делала минимум работы. Проводила большую часть урока, глядя куда-то в пространство, или просилась выйти в туалет и не возвращалась до самого звонка. Не принимала участия в уроке и не отвечала на вопросы, а на любой мой прямой вопрос отвечала мрачным: «Не знаю».

Так мы протянули целый год.

Сегодня я снова получил этот ненавидящий взгляд. На уроке мы рисовали зимний пейзаж, и, взглянув на твой рисунок, я резко спросил:

— Ты когда-нибудь видела чисто белый цвет в природе?

— В смысле? — нахмурилась ты.

— В смысле... Снег же не белый, правда? Там есть оттенки голубого, и серого, и розового, и желтого, и даже лилового... Если бы он был чисто белый, мы бы его не видели.

И тут я совершил свою самую большую ошибку. Я дотронулся до твоего рисунка. Я окунул кончик кисточки в голубой, в черный и в воду и провел им по твоему пейзажу.

Касание тут, линия здесь. Я исправил рисунок, но потерял тебя.

После этого ты вообще отказалась прикасаться к кисточке. Даже под угрозой наказания и плохой оценки.

Ты была самой упрямой из всех известных мне детей и заставляла меня тосковать о временах, когда в школах применялись телесные наказания.

Когда я сказал классу сдать работы на оценку, ты сдала чистый лист.

— Что это? — строго спросил я.

— Белые птицы летят сквозь белые облака.

Я поставил тебе двойку. Потом изменил ее на тройку. Я чувствовал, что это был не твой, а мой провал.

Мы перешли к другим вещам, но ты во всех была на удивление неумелой. Твои наброски натюрмортов были слабыми, работы мелкими — грязными. Я не

разрешал тебе работать масляными красками — они были дорогими, и мне было велено беречь их для «самых лучших» учеников. Акриловые краски тебя озадачили — ты пыталась рисовать ими, как акварелью, но они слишком быстро высыхали, оставляя яркие пятна цвета в ненужных местах.

Может быть, потом, когда я уже стал опытным преподавателем, я знал бы, что делать с учениками вроде тебя. Но тогда я и понятия об этом не имел.

Я испробовал все — угрозы, подкуп, безразличие, терпение. Я обсуждал проблему с другими учителями, но они просто не понимали меня. На всех их уроках ты была тихой хорошей ученицей. Слегка небрежной в химии, любящей литературу, историю и биологию и интуитивно одаренной в математике. Но это как раз меня не удивляло.

Я чувствовал, что действительно потерял тебя, пока однажды случайно не спросил, любишь ли ты играть с бумагой.

— Как именно? — это тоже прозвучало небрежно.

— Ну, для начала можно складывать фигуры...

Казалось, тебя совершенно не впечатляет эта идея.

— Ты когда-нибудь слышала про оригами?

Ты неуверенно покачала головой.

Как же тебе, наверное, было отвратительно признавать, что ты чего-то не знаешь. Я буквально возликовал.

Я дал тебе листы бумаги и руководство для начинающих. Мне подумалось, что ты предпочтешь его, а не мои указания. Ты изучила страницы, вы-

брала рисунок, сосредоточилась. Поразительно. У тебя получалось великолепно. С кончиков твоих пальцев соскакивали журавли и коробочки, лягушки и бабочки, крабы и цветы. Аккуратно и точно, все линии разглажены и сложены с индустриальной четкостью. Это было буквально воплощение безупречности. Каждый был точно такого же размера и формы, что и предыдущий. Ты сидела в углу класса, терпеливо складывая, собирая и выравнивая их всех до полной готовности. Я хотел сказать тебе, что они прекрасны, но побоялся, что это тебя отпугнет, так что просто смотрел и не лез с похвалами.

После этого произошла радикальная перемена.

Ты стала приходить на урок первой, а уходить последней.

Ты следила за мной глазами, когда я перемещался от одной группы учеников к другой и когда кто-то подходил ко мне за помощью. Ты задерживалась в конце урока, показывая мне все, что сделала, и, если я не ошибаюсь, ища моего одобрения.

Сначала я не был уверен, как реагировать. Казаться довольным? Или, в свою очередь, игнорировать тебя? Кажется, в своем смущении я делал и то, и другое, но это тебя не отталкивало. Скорее, кажется, придавало даже большей решимости. Ты подходила ко мне в коридорах, в библиотеке, иногда на пришкольной лужайке и начинала очень милую светскую беседу. Мы говорили о погоде, об обеде и о том, люблю ли я собак или кошек.